

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

© 2000 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «НА КРАЮ ОЙКУМЕНЫ: ЮЖНОАРАВИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ЕЕ МЕСТО В ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА (САБЕЙСКИЕ ВСТРЕЧИ, 4)»

(Москва, 17–21 мая 1999 г.)

В Москве, с 17 по 21 мая 1999 г., проходила международная конференция «На краю ойкумены: южно-аравийская цивилизация и ее место в истории древнего мира», организованная Институтом востоковедения РАН, Санкт-Петербургским филиалом Института востоковедения РАН и Государственным музеем Востока. Конференция была посвящена памяти выдающихся отечественных сабейстов Глеба Михайловича Бауэра и Авраама Григорьевича Лундина и проводилась при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 99-01-14013). В ее работе приняли участие отечественные и зарубежные ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Пизы, Неаполя, Экс-ан-Прованса, Гетеборга, Саны и Каира, представившие доклады по истории, археологии, этнографии, эпиграфике и древним языкам Юго-Западной Аравии. Регламент конференции предусматривал весьма оживленную дискуссию после каждого сообщения.

Симпозиум стал очередной встречей в рамках регулярно организуемых международных семинаров под общим названием «Сабейские встречи» («Rencontres sabéennes»), идея проведения которых принадлежит выдающемуся французскому сабейсту проф. Кр.Ж. Робену, директору L'Institut de Recherches et d'Etudes sur le Monde Arabe et Musulman (IREMAM) в Экс-ан-Провансе (Франция). Первый из указанных семинаров состоялся 27 сентября 1993 г. в Экс-ан-Провансе. Его темой была выработка единых критериев для составления базы данных по южноаравийской эпиграфике и археологии. Следующий семинар под названием «Вопросы археологии и эпиграфики древнего Хадрамаута», приуроченный к десятилетию работ Советско-йеменской комплексной экспедиции в Хадрамауте и Махре, был организован Институтом востоковедения РАН с 28 февраля по 4 марта 1995 г. в г. Пушкине под Санкт-Петербургом. Наконец последние, третьи по счету «Сабейские встречи», темой которых были общие вопросы археологии, истории и культуры цивилизаций доисламской Аравии («Civilisations de l'Arabie préislamique»), проходили 1–3 февраля 1996 г. в Экс-ан-Провансе.

Церемония открытия конференции состоялась в Государственном музее Востока и была совмещена с посещением двух прекрасных выставок, экспонировавшихся в музее «Древние геммы и камни Востока» и «Наследие древних культур: Северный Кавказ, Средняя Азия, Чукотка. Новые поступления». С приветствием к участникам конференции обратилась заместитель директора Государственного музея Востока по науке Т.Х. Метакса (Москва). В своем выступлении она напомнила, что для музея это уже вторая конференция, тематически связанная с проблемами истории, археологии и истории культуры народов Юго-Западной Аравии: 27 ноября 1985 г. состоялся научный симпозиум, посвященный вопросам консервации и реставрации Старой Саны и других древних и средневековых памятников Южной Аравии, в котором принимали участие все ведущие отечественные сабейсты включая Г.М. Бауэра и А.Г. Лундина. Небольшой сборник докладов этого однодневного симпозиума увидел свет тремя годами позднее¹.

Участников конференции приветствовал заместитель директора Института востоковедения РАН, д.э.н. В.А. Исаев (Москва), специально отметивший плодотворное научное сотрудничество, сложившееся в последнее время между Институтом востоковедения РАН и Государственным музеем Востока, а также совместные работы, проводимые в настоящее время Российской комплексной экспедицией ИВ РАН в Республике Йемен (начальник экспедиции – д.и.н. А.В. Седов) совместно с зарубежными археологическими миссиями.

¹ Ancient and Mediaeval Monuments of Civilization of Southern Arabia. Investigation and Conservation Problems. Moscow, 1988.

ми, в первую очередь – с миссией Санского отделения Германского археологического института (директор Санского отделения Германского археологического института – д-р Б. Фогт).

Действительный член Российской Академии наук *Г.М. Бонгард-Левин* (Москва) в своем кратком выступлении «Российские исследования в Йемене» подвел итог успешной пятнадцатилетней полевой работе отечественных востоковедов, археологов, этнографов, антропологов, лингвистов в составе одной из крупнейших гуманитарных комплексных экспедиций Академии наук, когда-либо работавших за рубежом. С 1983 по 1991 г. это была Советско-йеменская комплексная экспедиция АН СССР в Народно-Демократической Республике Йемен (до 1990 г.) и в Республике Йемен (с 1991 г.), впоследствии преобразованная в Российскую комплексную экспедицию ИВ РАН в Республике Йемен (с 1993 г. по настоящее время). Организация ее научных исследований связана с именами выдающихся отечественных ученых, действительных членов Академии наук Б.Б. Пиотровского, Е.М. Примакова, В.П. Алексеева. С 1983 по 1989 г. ее возглавлял петербургский востоковед П.А. Грязневич, в 1990–1991 гг. – член-корреспондент РАН М.Б. Пиотровский, а с 1991 г. по настоящее время ее начальником является А.В. Седов. В разные годы руководителями отрядов и групп экспедиции были Г.А. Кошеленко, Х.А. Амирханов, А.В. Седов, В.В. Наумкин, И.И. Гохман, М.А. Родионов. В активе экспедиции – открытие и исследование первоклассных памятников древности, таких как нижнепалеолитическая пещера ал-Куза, неолитические и постнеолитические памятники Хадрамаута и Махры, комплекс археологических памятников в древнем оазисе Райбун, хадрамаутский город-порт Кана'. Впечатляюще выглядит корпус хадрамаутских надписей, полученных экспедицией при археологических раскопках и разведках – свыше 2500 единиц. В заключение докладчик сказал несколько слов о ближайших перспективах исследований Российской комплексной экспедиции ИВ РАН в Республике Йемен, работающей в настоящее время на основании Генерального Соглашения между Институтом востоковедения РАН и Генеральной Организацией древностей, рукописей и музеев Министерства культуры Республики Йемен (президент ГОДРМ – проф. Ю.М. Абдалла). Одним из приоритетных направлений этих исследований в ближайшее трехлетие будет участие в совместном российско-германо-французском проекте «Побережье Йемена в доисламское время: окружающая среда, человеческая жизнедеятельность, материальные ресурсы и культурные контакты», финансируемом INTAS – International Association for the Promotion of Co-operation with Scientists from the New Independent States of the Former Soviet Union (научный координатор проекта – проф. Ж.-Ф. Салль). В соответствии с этим проектом археологические исследования предполагается сосредоточить на городище Сабир, относящемся к периоду поздней бронзы, синхронных памятниках района Адена и Баб-эль-Мандеба, на городище Бир Али (древняя Кана').

Два выступления в день открытия конференции были посвящены памяти сабейтов Г.М. Бауэра и А.Г. Лундина. *С.Я. Берзина* (Москва) в сообщении «Памяти друзей» рассказала о многолетней совместной работе с друзьями и коллегами, столь рано ушедшими из жизни, о подготовке к изданию переводов из греческих и латинских авторов, южноаравийских и аксумских надписей для хрестоматии «История Африки в древних и средневековых источниках» (М., 1979 – 1-е издание; М., 1990 – 2-е издание, исправленное и дополненное). *Г.М. Бонгард-Левин* дополнил доклад С.Я. Берзиной своими воспоминаниями о почти тридцатилетней работе бок о бок с Г.М. Бауэром в Отделе древнего Востока Института востоковедения РАН. В один из последующих дней конференции *С.А. Французов* (Санкт-Петербург) прочитал написанный им несколько лет назад для одного из французских изданий некролог «Памяти Учителя», посвященный А.Г. Лундину.

Научные заседания конференции проходили в Институте востоковедения РАН. Они открылись докладом *А. де Мегре* (Неаполь) «"Башенные гробницы" в Йемене: новая интерпретация». Его основой послужили материалы раскопок Итальянской археологической миссии в Йемене обширных некрополей, расположенных вне зоны древнеземледельческих оазисов. На одном из них, могильнике ал-Махдара неподалеку от Сирваха, были раскопаны шесть наземных погребальных сооружений, содержащих остатки индивидуальных захоронений, совершенных последовательно. Возможно, по мнению итальянского исследователя, это были семейные усыпальницы. Радиоуглеродный анализ образцов из погребений позволил установить время функционирования могильника – 1 тыс. до н.э. Отмечена характерная особенность погребального инвентаря – отсутствие керамической посуды. Типологически близкие погребальные сооружения помимо Сирваха известны в большом количестве, практически, на всей территории Йемена: в Джоуфе, Марибе, в окрестностях вади Байхан, в районе Шабвы и в западной части вади Хадрамаут. Их резкое отличие от синхронных погребальных памятников земледельческих племен, создателей «цивилизации Сайхад», их расположение всегда вдалеке от городских центров земледельческих оазисов позволили автору интерпретировать «башенные гробницы» как памятники, оставленные населением, принадлежавшим иной культурной традиции, отличной от классической южноаравийской. Возможно, это памятники кочевых племен, властвовавших на трансаравийских караванных путях.

Весьма оживленная дискуссия, возникшая при обсуждении доклада, свелась, фактически, к нескольким замечаниям. *Б. Фогт* (Саи'а) отметил, что имеющийся в настоящее время материал позволяет предложить более дробную классификацию погребальных сооружений (в первую очередь – на основе их конструктивных особенностей): с овальной, прямоугольной или ладьевидной погребальной камерой, выкладки с погребальной

цистой, выкладки с трилитами и пр. Я. Ретсе (Гётеборг) отметил необходимость более строго подходить к употреблению терминов, обозначающих археологические культуры. По его мнению, есть определенные сомнения в правомочности употребления терминов «сабейские гробницы», «поселения катабанцев», «некрополи майнцев». Для обозначения памятников материальной культуры племен, создателей южноаравийской классической цивилизации, наиболее подходят предложенные еще А.Ф.Л. Бистоном определения «цивилизация Сайхад» и производные от этого термина. А.В. Седов (Москва) выразил определенные сомнения в справедливости утверждения докладчика о том, что именно кочевые племена, оставившие памятники типа могильника ал-Махдара, занимались трансаравийской торговлей благовониями. По его мнению, это часто умозрительное предположение, не подкрепленное ни археологическими данными, ни сведениями письменных источников.

В. Буффи (Каир) в докладе «Южная Аравия и Африканский Рог в эпоху бронзы: сходство и различия (к постановке вопроса)» сделала попытку сопоставить керамику культуры Сабир и других памятников Йемена эпохи бронзы с синхронными материалами, происходящими с территории Эфиопии, Эритреи и Судана. Отметив наличие близких аналогий как для отдельных форм керамики культур эпохи бронзы Йемена, так и некоторые совпадения в стиле орнаментации этих сосудов среди памятников так называемой Gash-Group в Восточном Судане и Эфиопии, а также среди «преаксумской» керамики Эритреи (ранние слои Адулиса), керамики культур Кермы и так называемой C-Group в Нубии, автор доклада все же пришла к заключению о преждевременности объявления южной части Красноморского бассейна зоной единой в археологическом отношении культуры или «культурного единства», за что ратует в последнее время итальянский исследователь Р. Фаттович. По мнению этого исследователя, уже в III тыс. до н.э. центральную и южную часть Аравии и восточную часть Африканского Рога населяли «кочевые племена, имевшие единые традиции наскального искусства», а с середины II тыс. до н.э. в южной части африканского и аравийского побережий Красного моря складывается единый «афро-аравийский культурный комплекс»². Как было продемонстрировано в докладе, имеющийся в настоящее время в распоряжении исследователей археологический материал не позволяет делать подобные заключения.

Весьма интересным добавлением к докладу итальянской исследовательницы явилась информация Х.А. Амирханова (Москва), в которой он представил первые результаты палеоботанических исследований образцов из шурфа на Малейбе, одном из поселений культуры Сабир. Эти анализы однозначно свидетельствуют о земледелии как о преобладающей форме хозяйства местных племен эпохи бронзы.

О результатах многолетних раскопок экспедиции Германского археологического института на одном из ключевых памятников Марибского оазиса рассказал Б. Фогт в докладе «Датировка храма Бар'ан в Марибе». Пять сезонов широкомащштабных раскопок и два сезона реставрационно-восстановительных работ на памятнике позволили в общих чертах проследить основные этапы его сооружения и функционирования. Окончательный облик храма сложился не позднее V в. до н.э., однако раскопки открыли остатки еще не менее двух, более ранних храмов. Аналогии наиболее раннему керамическому материалу, найденному при раскопках, позволили предварительно отнести первоначальное культовое здание в этом месте Марибского оазиса к IX в. до н.э. Существенная перестройка храма, связанная с изменением отправлявшихся в нем культов и ритуалов и сопровождавшаяся, как явствует из данных письменных источников, изменением названия храма, происходит в конце I в. до н.э. Докладчик считает возможным связывать эти изменения с военным походом римлян под предводительством Элия Галла в 26/25 г. до н.э. в Южную Аравию. Как известно, римские войска достигли Марибского оазиса. В целом данные стратиграфических раскопок на памятнике подтверждают сабейскую хронологию, предложенную в свое время Г. фон Виссманом.

В дискуссии по докладу Кр. Робен (Экс-ан-Прованс) отметил исключительную важность исследований германских ученых на одном из ключевых памятников древнего Сабейского царства, хотя и указал на тот факт, что, по его мнению, хронологические построения Г. фон Виссмана – плод чисто умозрительных заключений, сделанных без должной опоры на источники, и их совпадение с имеющимися в настоящее время археологическими материалами во многом случайно.

А.В. Седов в докладе «Археологическая периодизация Райбуна и райбунская эпиграфика: некоторые общие замечания» на ряде конкретных примеров продемонстрировал трудности, возникающие при попытках увязать данные об археологической датировке слоя и хронологические определения части находимых в нем надписей, относимых к тому или иному «эпиграфическому стилю». Разработка новых и уточнение уже имеющихся эпиграфических схем, во всяком случае для Хадрамаута, до сих пор осуществляется, как правило, достаточно отвлеченно, на основе во многом умозрительных представлений о предполагаемой эволюции, часто прямолинейной, шрифта надписей. Находки же «разностилевых» надписей в одинаковых стратиграфических условиях ставят под обоснованные сомнения правомочность жестких заключений об отнесении монументальных надписей того или иного стиля к достаточно узкому временному отрезку.

² Fattovich R. The Contacts between Southern Arabia and the Horn of Africa in Late Prehistoric and Early Historical Times: a View from Africa // Profumi d'Arabia. Atti del Convegno / A cura di A. Avanzini. Roma, 1997. P. 273–286.

Возможны как «переживание» стиля, так и намеренная архаизация стиля надписей. В качестве примера были приведены несоответствия датировок времени сооружения отдельных частей храма Майфа'ан в оазисе Райбун (вади Дауан), установленные на основании радиоуглеродного анализа, и «эпиграфической» датировки некоторых надписей на плитках, облицовывавших стены этих частей храма. Конструктивные особенности свидетельствуют, что время постройки этих частей храма и время гравировки этих монументальных надписей должны совпадать, однако «эпиграфическая» датировка дает дату на несколько столетий (sic!) старше.

В выступлениях по докладу *Кр. Робен* и *А. Аванцини* (Пиза) отметили необычайную важность поставленной проблемы, которая, по их мнению, не имеет пока удовлетворительного решения. Необходимы как новый, более углубленный анализ имеющихся эпиграфических данных, так и новые, дополнительные полевые исследования, в первую очередь археологические. Ожидаемые результаты могут привести к разработке иных критериев для выделения эпиграфических стилей, нежели существуют в настоящее время, созданию более совершенных датировочных схем. Для подобных исследований неплохо было бы объединить усилия эпиграфистов и археологов из разных стран в рамках, например, нового совместного проекта.

Последним археологическим открытиям в Йемене был посвящен доклад *Х. Хитгена* (Сан'а) «Джебел ал-Ауд и его значение для катабано-химйаритской хронологии». Немецкий исследователь подробно рассказал о результатах первого сезона работ на этом интереснейшем памятнике в южной части Йеменского нагорья, расположенном на высоте около 2950 м над уровнем моря. В 1996 г. в руинах одного из зданий крепости местными жителями был найден клад из более чем 100 вотивных скульптур, преимущественно бронзовых. Раскопками 1998 г. были открыты остатки крупного здания с жилыми и хозяйственными помещениями, расположенными как минимум в два этажа, и примыкающим к зданию с юга обширным двором, вымощенным каменными плитами. При раскопках найдено большое количество бронзовой и каменной скульптуры (как импортной, так и местного изготовления), украшения, орудия труда, керамические и каменные сосуды, детали мебели, бронзовые таблички с катабанскими и химйаритскими надписями. Общая датировка комплекса укладывается в пределы II в. до н.э. – III в. н.э. Его гибель, по мнению *Х. Хитгена*, могла быть связана с эфиопским вторжением в Юго-Западную Аравию.

А. де Мегре прочитал резюме очень интересного сообщения *С. Антонины* (Неаполь) «Скульптура Дал'а», в котором впервые сделана попытка дать анализ весьма своеобразной каменной антропоморфной скульптуры из могильника Шука, расположенного примерно в 150 км к северу от Адена. Предметы происходят из гробительских раскопок, проводимых местными жителями на протяжении уже нескольких десятилетий. Архаический облик скульптуры, особенно антропоморфной, позволяет, по мнению итальянской исследовательницы, датировать ее достаточно ранним временем (VIII–V вв. до н.э.). Сомнения в правомочности столь ранней датировки выразили в своих выступлениях *Х. Хитген* и *А.В. Коротаев* (Москва). Последний обратил внимание на достаточно «поздние» стилистические особенности букв южноаравийских надписей, имеющих в ряде случаев на погребальной скульптуре.

Большой интерес вызвал доклад члена-корреспондента РАН *М.А. Дандамаева* (Санкт-Петербург) «Аравийцы в Вавилонии VI–V вв. до н.э.» (к сожалению, сам докладчик не смог прехать на конференцию, но прислал текст доклада, который был прочитан *С.А. Французовым*). С присущей ему тщательностью исследователь скрупулезно собрал все упоминания об *aribi/arubi/arabu*, имеющиеся в клинописных источниках. Этими терминами в источниках обозначались кочевые жители пустыни и, как показывают документы из храмовых и частных архивов Ниппура, Сиппара, Урука и других месопотамских городов, они, вероятно, составляли очень небольшую часть вавилонского общества. В период Ахеменидской империи некоторые аравийцы получали наделы государственных земель как царские солдаты и состояли на службе в качестве мелких чиновников. Потомки аравийцев, интегрированных в вавилонское общество, часто носят аккадские имена, но на происхождение их носителей может указывать, например, такая часть имени как *arbaia*.

А.В. Коротаев в докладе «Некоторые институты ранней сабейской монархии» обратился к известным надписям *Ja 2904*, *MAFRAY/al-KadKb 29* и *MAFRAY/Mushji' 23*, составленным от имени *Сумхурийама*, сына *Кариб'ила*. Вслед за *А.Г. Лундиным* и *Кр. Робеном* автор считает, что все эти надписи оставлены сабейским политическим деятелем VII в. до н.э., сыном известного сабейского *мукарриба* *Кариб'ила*, сына *Замар'алайя* (*Кариб'ил Великий*, как его предложил именовать *Кр. Робен*) и братом другого *мукарриба* *Сумху'алайя*. Однако с рождения *Сумхурийам* был лишен права на сабейский престол, хотя и стремился добиться для себя статуса, как можно более близкого статусу царя и *мукарриба*. По мнению *А.В. Коротаева*, об этом свидетельствует как использование символов власти сабейских *мукаррибов*, так и включение в текст надписей формулы ритуальной трапезы. Данные утверждения позволили автору доклада обратиться к характеристике древнесабейской системы престолонаследия, которая, как считает исследователь, достаточно точно изложена в известном пассаже *Эратосфена* из *Кирены*, сохранившемся у *Страбона* (XVI. 4. 3). В качестве подтверждения своему тезису *А.В. Коротаев* широко привлек восточноафриканские этнографические параллели.

В развернувшейся по докладу дискуссии *А. Аванцини* подвергла обоснованному сомнению правомочность равноправного привлечения таких разнородных материалов, какими являются данные южноаравийских

надписей широкого хронологического диапазона (от VII в. до н.э. до II в. н.э.), сведения античных авторов и этнографические параллели из хотя и близкого территориально, но весьма далекого и хронологически, и культурно восточноафриканского ареала. По ее мнению, необходим более осторожный, дифференцированный и более критический подход к интерпретации имеющегося материала, столь хорошо проявившийся, например, в одной из последних статей А.Г. Лундина, изданной посмертно³.

В.А. Якобсон (Санкт-Петербург) рассказал об «Ассирийском эпонимате». Как известно, в Ассирии царь был эпонимом не один, а вместе с высшими административными лицами царства. Царь давал свое имя только первому году царствования, а названия последующим годам давали высшие официальные лица. Позднее царь снова мог быть эпонимом в течение еще одного года. Данная традиция скорее всего может быть объяснена тем, что в ранний период эпоним или правитель данного года избирался, очевидно, по жребию из числа относительно равных по статусу ассирийских племенных вождей. В заключительной части своего сообщения В.А. Якобсон проанализировал вероятные сопоставления с южноаравийским эпониматом. Черты сходства могут быть объяснены общим семитским субстратом.

В первой части своего сообщения «Южноаравийский эпонимат: некоторые новые предположения» (на франц. яз.) С.А. Французов привел новые данные о хадрамаутском эпонимате, почерпнутые им из надписей СОЙКЭ 941 (городище Бир Хамад) и СОЙКЭ 1142 (оазис Райбун, храм Майфа'ан). Эти надписи датированы по местным эпонимам. Ранее был известен всего лишь один текст с подобной датировкой – СТ 10 с городища близ г. Хурайда (древний Мазабум). Во второй части выступления автор обратился к сабейскому эпонимату и попытался показать, что этот социальный институт не был распространен в I–III вв. н.э., как нередко полагали прежде, на всей территории Сабейского царства: надписи, содержащие датировки по эпонимам, связаны по преимуществу с племенем саба', с его влиятельными родами или с теми районами, где влияние сабейцев и культа их «федерального» бога Алмакаха было значительным. По-видимому, речь должна идти о локальном сабейском племенном институте. Кроме того, докладчик поддержал высказанные ранее Кр. Робеном сомнения относительно семигодичного эпонимата у сабейцев, обратив внимание на то, что основная часть надписей, в датировках которых встречаются упоминания порядковых номеров годов того или иного эпонима, восходит к концу II – началу III в. н.э. По мнению С.А. Французова, первоначально эпонимат у сабейцев был одногодичным, затем система начала «размываться», и один и тот же эпоним стал занимать свой пост в течение ряда лет (вплоть до девяти). Подобное разрушение местных эпонимных циклов в ряде районов древнего Йемена привело, как считает автор, в конце II в. до н.э. – I в. н.э. к переходу от циклического летоисчисления к линейному и к появлению местных эр («химйаритской», Аб'алайа и пр.). Насколько позволяет судить материал, у сабейцев же этот процесс так и не завершился.

Л. Коган и Н.Н. Охотин (Москва) в докладе «Новые южноаравийские этимологии: корни с сибилантими» на фоне широкого спектра семитских, кушитских, эфиопских, бесписьменных южноаравийских языков предложили целый ряд новых, подчас весьма неожиданных этимологий для целого ряда терминов из эпиграфических языков Южной Аравии. Выступившие в дискуссии по докладу *Кр. Робен, А. Аванцини, Я. Ретсий, А.Г. Белова* (Москва) отметили тщательную проработанность предлагаемых этимологий, фундаментальность основных положений доклада.

В.В. Наумкин (Москва) в докладе «Дуализм в сокотрийской культурной традиции: родо-племенная структура и дихотомия цвета» впервые представил весьма интересный материал своих полевых исследований на о-ве Сокотра. По его мнению, дуальное членение характерно для сокотрийского традиционного понимания мира, человека и общества. Примером тому могут служить часто повторяющиеся сюжеты сокотрийского фольклора, восходящие к древним мифическим представлениям этого народа, некоторые элементы родо-племенной структуры, а также традиционная ориентация сокотрийцев в пространстве. Это позволяет считать дуализм организующим принципом для сокотрийской традиционной культуры, хотя он значим и в других культурах. Дихотомия цвета играет важную роль в дуальном членении объектов, принадлежащим к различным сферам (к примеру, «белые» и «черные» подразделения в племенах).

С.Я. Берзина (Москва) в докладе «Аксумские стелы» предложила новую интерпретацию этих широко известных погребальных памятников. Отметив, что декор лицевой стороны этих неординарных монументов безусловно является передачей фасадов многоэтажных дворцов, она подвергла сомнению утверждения об аксумской принадлежности этих дворцов. По мнению исследовательницы, ни археологические данные, ни данные письменных источников не позволяют говорить о традиции строительства многоэтажных дворцов на территории этого древнего царства Восточной Африки. С.Я. Берзина пришла к выводу, что в данном случае изображены дворцы южноаравийских правителей, например, химйаритский царский дворец Гумдан. Подобная атрибуция позволяет, как считает исследовательница, рассматривать аксумские стелы в качестве неких коммеморативных памятников, символизирующих господство царей Аксума над южноаравийскими царствами.

А.В. Седов

³ См. *Лундин А.Г.* Положение верховных правителей в Сабейском государстве середины первого тысячелетия до н.э. // *ЭВ. М., 1998. XXV. С. 83–88.*